

Следующим утром солнечный свет сквозь резные оконные переплёты пал на золотистые плиты пола императорского дворца, но не смог разогнать окружавший всё вокруг несмолкаемый мрак.

Это место казалось настоящей тюрьмой, накрепко заточившей Тун Цзыгэ в ночном кошмаре.

Тун Цзыгэ проснулся в холодном поту и почувствовал, что всё его тело ломит. Каждая клеточка кожи словно была обожжена раскалённым огнем или же истоптана колесницами — это была боль, пронзающая до самого костного мозга. Он медленно попытался сдвинуться с места, но обнаружил, что сплошь покрыт синяками и багровыми следами.

Каждый такой след безмолвно кричал о пережитом накануне беспредельном унижении; его тело походило на растерзанную бурей и полностью разрушенную руину.

Цзун Тинлин уже давно оделся и при полном параде, в облачении сына Неба, источал леденящую кровь властность.

Сидя неподалёку и с игривым интересом наблюдая за испуганным и растерянным взглядом проснувшегося Тун Цзыгэ, он медленно скривил губы в усмешке.

Тун Цзыгэ судорожно прижался к одеялу, не смея поднять глаз на Цзун Тинлина. Воспоминания о вчерашнем позоре бурной и грозной волной обрушились на него, едва не потопив его хрупкий рассудок.

Цзун Тинлин поднялся, протянул руку и крепко сжал его подбородок, заставляя посмотреть ему в глаза.

Тун Цзыгэ был вынужден вскинуть голову, его глаза наполнились ужасом и унижением, а взгляд испуганного оленёнка вызывал невольную жалость.

Однако Цзун Тинлин остался равнодушен: — С сегодняшнего дня ты — благородная госпожа Тун. За столь беспрецедентную милость тебе следует как следует поблагодарить Меня.

В глазах Тун Цзыгэ блеснули слёзы, и он мгновенно осознал зловещий умысел Цзун Тинлина.

Этот титул был не более чем еще более жестокими оковами и высшей степенью позора.

— Ваше Величество, зачем Вы так со мной поступаете? Какая Вам от этого выгода? — с горечью и гневом спросил Тун Цзыгэ, чей голос дрожал от страха и ярости.

Цзун Тинлин же разразился хохотом: — Выгода? Видеть, как ты корчишься в муках — вот Моё величайшее удовольствие. Неужели ты думаешь, что у тебя остался выбор?

С этими словами он сжал пальцы еще сильнее: — В стенах дворца тебе лучше вести себя смирно, иначе твоя семья... Хм, ты же знаешь, чем это грозит.

Услышав слово семья, губы Тун Цзыгэ задрожали, и он сглотнул готовые сорваться с языка слова, понимая, что у него больше не осталось никакого выбора.

Умывшись и приведя себя в порядок, Тун Цзыгэ облачился в парадные придворные одежды, позволил служанкам причесать волосы, украсить их шпильками и нанести макияж. Под конвоем дворцовых служанок он направился к покоям Императрицы.

Всю дорогу евнухи и служанки перешептывались, и их взгляды, устремленные на Тун Цзыгэ, были подобны бесчисленным иглам, впивавшимся ему в тело. Ему оставалось лишь до крови прикусить губы, изо всех сил стараясь не сорваться и сохраняя видимость хладнокровия.

Обитательницы задних покоев, знатные наложницы с большим стажем, давно повидали на своем веку немало бурь и превратной дворцовой жизни. Они слишком хорошо знали жестокость и переменчивый нрав Императора.

Заметив иссушенное, измождённое лицо Тун Цзыгэ, они не могли не испытать мимолетной жалости.

Войдя в покои Императрицы, он увидел Её Величество, восседающую на главном месте в окружении других фавориток, которые открыто или исподтишка разглядывали новоприбывшего.

Императрица слегка нахмурилась, и на мгновение в её величественном выражении лица промелькнуло смягчение. Мягким голосом она произнесла: — Благородная госпожа Тун, подойди ближе.

Услышав это, Тун Цзыгэ собрал последние силы, медленно подошел к Императрице, опустился на колени для поклона и произнес приглушенным голосом: — Ваша покорная служанка приветствует Императрицу, да здравствует Ваше Величество.

Взгляд Императрицы, устремленный на Тун Цзыгэ, был полон искреннего участия: — Благородная госпожа Тун, почему у тебя такой бледный вид? Неужели ты плохо отдохнула прошлой ночью?

Сердечко Тун Цзыгэ ёкнуло; не зная, что ответить, он лишь слегка опустил голову и промолчал.

Словно догадавшись о чем-то, Императрица тихо вздохнула, и её тон стал еще мягче: — Император... порой бывает своенравным. Если тебя обидели, не принимай это близко к сердцу. Раз уж ты вошла во дворец, береги себя.

Услышав слова утешения от Императрицы, Тун Цзыгэ почувствовал, как защипало в глазах, и тихо ответил: — Благодарю Ваше Величество за заботу, я запомню Ваши слова.

На тропинке по дороге обратно его путь преградили несколько девушек из знатных семей в ранге благородных госпож разряда даин и чанцзай, попавших во дворец одновременно с ним.

Эти девицы и прежде завидовали тому, что Император благоволит Тун Цзыгэ, а теперь, видя его совершенно убитый вид, они решили воспользоваться моментом и добить упавшего.

Одна из них, облаченная в платье цвета яичного желтка, с насмешливой улыбкой и злорадным искривлением губ ехидно протянула: — Ой, да это же та самая благородная госпожа Тун, что почивала с Императором прошлой ночью! Погляди на себя, прямо живой труп, до чего же жалкое зрелище. Что, не выдержала императорской милости?

Едва она закончила говорить, как стоявшая рядом свита из других чанцзай разразилась пронзительным смехом, который гулко раскатился по тихой дворцовой аллее.

Другая наложница ранга чанцзай в небесно-голубом наряде не пожелала отставать. Семена маленькими шажками, она выступила вперед, сверкая завистливыми глазами, и холодно бросила: — Хм, не думай, что раз у тебя нашлась пара приятных черт лица и Император одарил тебя вниманием всего на одну ночь, так ты сразу сможешь взлететь на ветку и стать фениксом. Все мы попали во дворец в одно время, с какой стати тебе выделяться?

Тело Тун Цзыгэ слегка задрожало, а губы от гнева и обиды лишились всяких красок. Он так сильно сжал кулаки, что ногти впились в ладони, и эта пронзительная боль помогла ему сохранить хоть капельку рассудка.

Пытаясь подавить кипевшую внутри бурю, он дрожащим голосом произнес: — Сестрицы, мы все вошли во дворец в один день, имейте же совесть, не стоит затевать ссоры на пустом месте.

Однако затуманенные завистью девицы вовсе не собирались униматься. Та самая даин в желтом платье презрительно фыркнула: — Совесть? Мы говорим чистую правду. Кем ты себя возомнил, драгоценной особой? В этих стенах сегодня ты в фаворе, а завтра, глядишь, от тебя избавятся как от ненужной тряпки.

Лицо Тун Цзыгэ залилось краской, румянец с щек перекинулся на самые уши, а в глазах читались растерянность и стыд. Дома, кроме сестры, матушки и служанок, он никогда не общался с другими девушками так близко и уж тем более не вступал в словесные перепалки.

Его губы едва заметно дрожали, он хотел возразить, но в горле будто застрял ком, и он не мог выронить ни звука.

Насмешки эхом отдавались в голове, раня сердце острыми иглами и путая мысли. Ему хотелось

провалиться сквозь землю, лишь бы сбежать из этого неловкого положения.

В самый разгар этого удушающего момента раздался властный, уверенный окрик: — Какая наглость! Кто здесь бесчинствует?

Все обернулись и увидели идущую к ним женщину в роскошных дворцовых одеждах. Ее грациозная фигура и изысканные манеры источали утонченность, а прекрасное лицо дышало благородством — это была дефэй, сидевшая ранее по левую руку от Императрицы.

Она обвела всех взглядом, на мгновение задержавшись на даин и чанцзай; хотя ее взор не был особенно свирепым, скрытое в нем недовольство заставило девиц испуганно затрепетать. Те поспешно присели в глубоких поклонах, слегка дрожа всем телом.

Подойдя к Тун Цзыгэ, дефэй слегка нахмурилась, и в ее глазах отразилось искреннее беспокойство. Мягко спросила она: — Благородная госпожа Тун, с тобой все в порядке?

Дефэй легко похлопала Тун Цзыгэ по плечу, словно утешая испуганного ребенка, а затем повернулась к остальным девицам. Несмотря на сохранявшееся в ее взгляде недовольство, тон оставался мягким: — Вы прибыли во дворец вместе, к чему же чинить друг другу препятствия? Вам надлежит жить в согласии, а не портить отношения из-за сиюминутных капризов.

Услышав слова дефэй, те девушки хоть и испугались, но внутренне облегченно выдохнули — они никак не ожидали, что дефэй окажется столь кроткой и не станет строго их наказывать.

Дефэй продолжила: — Благородная госпожа Тун новенькая, да к тому же прошлой ночью прислуживала Вашему Величеству и вполне имеет право устать. Разговаривать с ней в таком тоне — верх невоспитанности. Если об этом станет известно посторонним, они подумают, что в наших задних покоях собрались одни злобные и завистливые фурии.

Девицы наперебой закивали, беспрестанно повторяя: — Дефэй права, мы заслуживаем наказания, просим Вас помиловать нас.

Видя, как дефэй выручает его, Тун Цзыгэ преисполнился благодарности и слегка присел в поклоне: — Благодарю дефэй.

Дефэй с улыбкой поддержала Тун Цзыгэ: — Благородной госпоже Тун не стоит церемониться. Наши семьи состоят в родственных узах, а во дворце мы и подавно должны помогать друг другу. К тому же я больше всего на свете не выношу, когда сестры грызут друг друга. Все мы женщины и делим один дворец, а значит, обязаны поддерживать друг друга.

С этими словами дефэй вновь перевела взгляд на девиц: — Поднимайтесь все. Надеюсь, сегодняшний инцидент единичен, и впредь подобного не повторится.

Все хором ответили: — Слушаемся, госпожа.

Только тогда дефэй удовлетворённо кивнула и обратилась к Тун Цзыгэ: — Благородная госпожа Тун, ты еще слаба, ступай скорее отдохнуть и не позволяй пустякам вредить твоему здоровью.

Тун Цзыгэ еще раз поклонился и удалился.

<http://bllate.org/book/22353/2342713>